

Погребения женщин в курганах скифского времени северскодонецкой Лесостепи: палеосоциологический анализ

Буйнов Ю.В., Гречко Д. С.

На основании исследования 36 захоронений женщин скифского времени в курганах лесостепной части бассейна Северского Донца авторы статьи делают попытку определить их прижизненный статус. С помощью кластерного анализа установлено, что все местные женщины эпохи раннего железного века были выходцами из социальных слоев высшей аристократии, воинов-всадников и свободных рядовых общинников. Выделяются социально зависимые служанки и домашние рабы. Фактов приниженного положение свободных женщин в обществе не зафиксировано. Приведенная социальная структура соответствует ступени разложения родоплеменного общества и формирования раннеклассового.

Ключевые слова: скифы, северскодонецкая Лесостепь, социальный статус, женские захоронения, кластерный анализ.

В скифское время лесостепная часть бассейна Северского Донца была густо заселена. Данное население оставило многочисленные городища, поселения и курганные могильники, объединенные исследователями в северскодонецкую группу памятников [12], которую многие скифологи небезосновательно связывают с меланхленами, упомянутыми Геродотом. Большинство местного населения в скифское время относилось к хозяйственно-культурному типу пашенных земледельцев и оседлых скотоводов лесостепного пояса, при этом лидирующие позиции в обществе занимали ираноязычные кочевники, которые проникали в регион, начиная с раннескифского времени [12, с. 34; 13, с. 8; 19, с. 268-287]. Анализ социального состава и структуры общественных отношений северскодонецкого социального образования дают возможность говорить о том, что оно стояло на уровне разложения родоплеменного строя и формирования раннеклассового общества [9, с. 123-136].

Вместе с тем отметим, что, несмотря на определенные успехи скифологов в изучении лесостепного населения раннего железного века, многие вопросы все еще являются актуальными и дискуссионными. В первую очередь это касается проблемы реконструкции общественного строя у местных племен и, в частности, определения места и роли в нем женской части населения. Ранее большинство археологов палеосоциологический анализ строили на основе более многочисленных мужских погребений. Именно это обстоятельство во многом осложняет проведение реконструкции семейных и социальных отношений у населения Лесостепи скифского времени по

© Буйнов Ю. В., Гречко Д. С., 2015

данным погребального обряда. Значительные затруднения возникают в связи с определенными сложностями, касающимися анализа конкретных комплексов, проявляющихся в каждом отдельно взятом погребальном памятнике [25]. К этим замечаниям необходимо добавить малочисленность письменных источников и их информативную скудость. Наконец, отметим, что данный вопрос целенаправленно ставился и решался только в отношении общества степных скифов.

Наиболее детальный анализ роли женщины у кочевников степей Северного Причерноморья был проведен в работе А. М. Хазанова [24]. Исследователь на основании изучения письменных источников (Геродот, Лукиан, Псевдо-Гиппократ) и данных археологии указывает на наличие у скифов полигинии, которой соответствует неравноправное положение жен и наложниц. Предполагается, что последними могли становиться рабыни-служанки. Согласно Геродоту, вместе с царем хоронили именно наложницу [Herod. IV, 71], поэтому в разновременных богатых захоронениях в одном кургане, по всей видимости, хоронили жен. Индикаторами равноправия погребенных считается равнозначный сопутствующий инвентарь, поза, местоположение в могиле. Синхронные захоронения, в которых погребенная (или одна из них) выделяется бедностью или отсутствием вещей, положением у входа или в дромосе, предлагается считать принадлежавшими зависимым наложницам. Здесь разница между любимой наложницей и нелюбимой женой археологически неуловима, поэтому нельзя полностью исключать умерщвления (насильственного или добровольного) жен [24, с. 78-79]. А.М. Хазанов отмечает безусловно патриархальные основы скифского общества и, создающееся из анализа источников, впечатление о несколько приниженном положении женщин. При этом указывается на то, что женщины могли занимать и высокое социальное положение [24, с. 83-84].

В отношении последнего замечания А.М. Хазанов не одинок. В частности, Б.Н. Мозолевский при анализе материалов Толстой Могилы также отмечает, что знатные женщины основных погребений могли играть довольно значительную роль в жизни скифского общества или имели более широкий социальный статус и признавал существование под курганами высшей знати семейных усыпальниц [17, с. 163]. Более того, он высказал мысль о наличии у знати минората.

Е.П. Бунятян анализируя половозрастную характеристику погребенных в рядовых могильниках степи, пришла к выводу, что надежных аргументов о приниженной роли женщины в скифском обществе нет. Исследовательница особо акцентирует внимание на важности изучения коллективных погребений, в которых признаки равенства между мужчинами и женщинами проявляются в одинаковой ориентировке и положении останков умерших. К тому же, хорошо известны основные женские погребения и захоронения “амазонок” [10, с. 69-71]. Вопрос о том, в каком родстве находились погребенные в одной могиле разнополые люди, исследовательница оставила открытым [10, с. 113-114].

Ю.Н. Бойко в своей кандидатской диссертации сделал вывод, что население Ворсклинского локального варианта своих умерших мужчин и женщин равного сословно-группового статуса хоронили всегда индивидуально. По его же мнению, в местной воинской среде наибольшее распространение получила полигиния, когда “младшие жены из более низких сословий свободных могли сопровождать погребения мужчин более высокого социального ранга” [6, с. 17-18].

С последним утверждением трудно согласиться. Как справедливо заметил Б.А. Шрамко в рецензии на монографию “Толстая Могила” Б.Н. Мозолевого, “нет никаких данных о том, что в семье данного представителя скифской знати было несколько жен” [25 с. 275]. Нет таких свидетельств и у Ю.Н. Бойко.

Особый интерес вызывает работа В.Д. Березуцкого [4], поскольку посвящена социальной характеристике среднедонского населения скифского времени, близкого северскодонецкому по многим показателям. Исследователь разделяет женские погребения на одиночные (пять из них под индивидуальной насыпью), парные и коллективные. Для части последних не исключается разновременность захоронений в одной семейной усыпальнице, хотя археологических следов подзахоронений не отмечается. Поэтому предлагается считать разновременные захоронения, как могилы супругов умерших своей смертью, а одновременные – места упокоения бессрочно умерших наложниц и других зависимых лиц [4, с. 15-16, 18-23]. При этом, наложница богатого и знатного воина по своему имущественному положению и образу жизни могла приближаться к законным женам.

В подобном случае А.М. Хазанов, ссылаясь на сообщение Псевдо-Гиппократ, полагал, что наложницами, вероятно, становились некоторые служившие хозяйну рабыни [24, с. 78]. Сам же В.Д. Березуцкий отмечает, что археологически фиксируемых фактов подзахоронений как в парных, так и в коллективных захоронениях на Среднем Дону нет, однако однозначно решить вопрос о социальном статусе захороненных с мужчинами женщин на уровне современных знаний пока невозможно [4, с. 21].

Впервые тему о социальном положении женщин у северскодонецкого населения скифского времени поднял Л.И. Бабенко. Анализируя материалы погребений Песочинского могильника, он выделили четыре социальные группы [1, с. 172-183]. Первая группа представлена погребениями высшей аристократии и всадничества. Для женских погребений данной группы обычны разнообразные украшения и детали одежды из драгоценных металлов, импортная посуда. Вторая группа погребений соответствует уровню рядовых воинов (не всадников). В захоронениях женщин дорогостоящие изделия редки и не отличаются разнообразием. В нескольких случаях зафиксированы сопровождающие захоронения детей и подростков. Среди могил беднейшей части населения, оставившего Песочинский могильник, женские погребения неизвестны. Это может быть обусловлено отсутствием данных антропологии и безынвентарностью комплексов.

Один из авторов настоящей статьи, в контексте рассматриваемой темы, на примере парного разнополого захоронения кургана № 16 у

с. Черемушное на Харьковщине, поставил вопрос о характере семейных отношений и местных племен скифского времени [8, с. 279-280]. По данным антропологических исследований в деревянном склепе были погребены женщина 35-37 лет и мужчина 38-40 лет. Установлено, что черепа индивидов относятся к различным морфотипам. С учетом существования у местного рядового населения малой нуклеарной семьи, состоящей из родителей и их детей, нами был сделан вывод о том, что в этой могиле были погребены останки ее старших представителей. Эти данные могут служить достаточно выразительным примером существования у местных племен скифского времени экзогамного рода.

Для более глубокого исследования вопроса о социальном положении женщин и семейно-брачных отношениях в северскодонецком обществе нами собраны сведения о 36 погребениях, раскопанных в 34 курганах V-IV вв. до н.э. При разделении захоронений по полу учитывались антропологические данные и “чистые” признаки (пряслице, зеркало, набор бус, детали головных уборов).

Исследователи уже давно обратили внимание на малочисленность подкурганых захоронений, и женских захоронений, в частности, которые не соответствуют демографическим показателям хорошо развитой поселенческой структуры. Возможно, существовали и иные формы погребального обряда, которые плохо фиксируются данными археологии. Редкость женских захоронений может говорить и о разных представлениях о путешествии в потусторонний мир для женщин и мужчин.

После составления матрицы исходных данных выяснилось, что в нашу выборку вошли 15 одиночных, 13 парных и 8 коллективных женских захоронения. В последних из них останки умерших принадлежали как однополым, так и разнополым лицам. В Гришковском могильнике имеют место случаи не только одновременного, но и асинхронного захоронения мужчин и женщин в отдельных могилах под одной насыпью, что не является исключением для соседних регионов юга Восточной Европы в скифское время [13, с. 58-59, 62-65].

Для палеосоциологической реконструкции был сформирован перечень признаков, состоящий из 20 наименований. Первые четыре из них (1 – высота насыпи до 1 м; 2 – высота насыпи более 1 м; 3 – объем погребальной камеры менее 11 м³; 4 – объем погребальной камеры более 11 м³) связаны с трудовыми затратами на создание погребального сооружения. Интервалы всех этих показателей определены с помощью построения графика корреляционной взаимосвязи между высотой насыпи и объемом погребальной камеры. К данной категории признаков следует отнести и тип погребального сооружения (5 – яма; 6 – деревянный склеп/сруб). По данным В.Д. Березуцкого одиночные (7), парные (8) и коллективные (9) захоронения по совокупности признаков могут указывать на прижизненную принадлежность умерших к той или иной общественной иерархической ступени [4, с. 24-25, 63-64]. При этом исследователь утверждает, что парные

и коллективные погребения, сами по себе, не являются самостоятельными социальными признаками. Как будет показано ниже, данное утверждение справедливо только к захоронениям представителей высшей знати.

Остальные признаки объединяют качество и функциональное назначение предметов погребального инвентаря, которые отражают такой социальный и имущественный показатель, как “овеществленный труд”. К нему относятся: золотые украшения головного убора и верхней одежды (10); золотые украшения (11); серебряные украшения (12); бронзовое зеркало (13); античная посуда (14); бусы из не драгоценных металлов (15); бронзовые и железные украшения (16); наконечники стрел (17); лепная посуда (18); орудия труда (19); напутственная пища (20).

Выделенные нами признаки по форме своего выражения являются атрибутивными, которые показывают лишь наличие в них определенных свойств и их сравнительную интенсивность. Поэтому, для построения иерархической классификации с помощью кластерного анализа, была применена простейшая номинальная шкала измерений, включающая наличие или отсутствие у объектов (погребений) того или иного качества (признака). В данном случае, выбор количественных единиц измерения атрибутивных признаков сводится к записи в матрице исходных данных таких цифровых обозначений, как “1” – присутствие и “0” – отсутствие таковых по отношению к конкретному объекту [16, с. 204].

Результаты компьютерной обработки собранных материалов приведены в дендрограмме. В целом, она достаточно хорошо расшифровывается. В ней можно выделить два суперкластера, которые распадаются еще на два микрокластера соответственно.

Первый кластер состоит из 10 комплексов (от к. 2/1949 у с. Б. Гомольша до к. 3 Нижней Гиевки включительно). Погребения одиночные в простых грунтовых ямах, созданных, как и насыпи, с малыми трудовыми затратами. Инвентарь довольно бедный (стеклянные бусы, ножи, бронзовые и железные браслеты, серьги). В двух погребениях найдены наконечники стрел. Подобные захоронения женщин-воительниц справедливо связывают с “амазонками” [14; 22; 23]. Считается, что подобные захоронения – явление общескифское. На территории Степи и Лесостепи Восточной Европы их насчитывается более 120. По подсчетам Е.П. Бунятян, в Степи доля таких захоронений среди рядового населения составляет 25% [10, с. 184]. В.И. Гуляев предполагает наличие какой-то воинской повинности для определенных возрастных групп женщин, как рядовых, так и с более высоким статусом [14, с. 132]. Однако, называть их “молодыми наездницами” нам не позволяет характер инвентаря, среди предметов которого полностью отсутствуют детали узды. При этом нельзя исключать, что это было не положено для представительниц слабого пола, для которых путешествие в мир иной было отличным от мужчин. Погребение “амазонки” из Старого Мерчика Е.Е. Фиалко интерпретирует в качестве вооруженного охранника – свободного дружинника по отношению к основному женскому захоронению [23, с. 312].

Второй кластер иерархии с малыми трудовыми затратами включает пять погребений (от к. 2 Верхней Гиевки до к. 23 Песочинского могильника). К инновациям в погребальном инвентаре добавляется лепная миска в погребении “амазонками” из к. 25/2 Гришковского могильника и напутственная мясная пища с железным ножом в двух других комплексах.

В четырех курганах первой и второй групп зафиксированы парные захоронения – женщина с подростком; одновременное захоронение мужчины и женщины; три комплекса с синхронными или разновременными захоронениями под одной насыпью, но в разных могилах. В.Г. Петренко небезосновательно считала, что последние курганы позднескифского периода являлись семейными усыпальницами [21, с. 65]. Исследователи скифских степных захоронений имеют весомые основания предполагать, что к образованию подобных комплексов приводила одновременная гибель родственников [15, с. 160]. Антропологическое исследование костяков из курганов № 25, 26, 47 подтверждают одновременную насильственную гибель супругов (?). Обратим внимание, что мужчины из данных курганов были пешими воинами, вооруженные луком, стрелами и дротиками.

Как нам представляется женщины данной социальной группы (первый суперкластер) представляли свободное рядовое население, которое можно сопоставить с представительницами свободных общинников (модель 1-2 по Е.П. Бунятян) степных скифов [10, с. 94].

В социальном и имущественном отношении совершенно иной прижизненный статус имела 21 женщина (от к. 10 до к. 9 Старого Мерчика), чьи погребения вошли в третий кластер. Высота курганов колеблется от 1 до 6,2 м, а объем погребальных ям/склепов – от 15 до 27 м³. Четыре из них были основными в деревянных склепах, пять – парными разнополами в склепах, три - парными в грунтовых ям (женщина с подростком или ребенком), два - парными однополами в грунтовых ямах, семь – коллективными (пять мужчина с женщиной и служанкой, рабыней? и два – женщины со служанками) в деревянных склепах.

Из числа одиночных погребений выделяются захоронения “амазонок” (к. 32 Песочинского могильника и к. 6 у с. Старый Мерчик), в которых, кроме престижного погребального инвентаря, были колчаны со стрелами.

Во всех погребениях, за исключением одного, были найдены золотые детали одежды и украшения, античная посуда. Отметим, что все золотые изделия являются аналогичными изделиям найденным в Степи. Вполне вероятно, что погребенные третьей группы, как и часть представителей первых двух групп, в этническом отношении были близки или тождественны скифам Северного Причерноморья [20, с. 86-87]. В связи с этим вспомним высказывание Э.А. Грантовского, что “по индоиранским и, шире индоевропейскими представлениями, золото и его цвет “принадлежали” общественной группе воинов, аристократии и царям” [11, с. 16].

На прижизненный социальный статус женщин из третьей группы погребений и их семейное положение лучшим образом указывают парные

и коллективные разнополюе захоронения в одной могиле. С учетом того, что ни в одном случае не зафиксирован факт подзахоронения женщин в могилу с мужчиной, скелеты которых лежали параллельно друг другу головой на юг, можно утверждать, что в данном случае в них покоились останки жен, а не наложниц. Для такого вывода имеются и другие аргументы. Во-первых, обряд погребения и сопровождающий инвентарь в одиночных захоронениях богатых молодых (незамужних?) свободных женщин практически не отличается от женщин, похороненных в одной могиле с мужчинами-воинами и представителями местной знати. Во-вторых, в семи женских погребениях с богатым и разнообразным набором украшений встречены бронзовые зеркала. Считается, что в скифское время они были не просто принадлежностью женского туалета, но и выполняли определенную культовую функцию. Как известно, у сарматов зеркала зачастую помещали в могилы жриц. По мнению многих исследователей, помещение зеркала в могилу скифянки символизировало причастность погребенной к культу высшего божества скифского пантеона – Табити (Гести) [21, с. 34]. Более того, она могла быть и жрицей этой богини. Об исполнении знатными женщинами определенных жреческих функций указывает захоронение девушки в роскошном головном уборе в кургане № 8 Песочинского могильника с зеркалом и пружинными железными щипцами [1, с. 174-175], а также находка в кургане № 11 Старого Мерчика золотых нашивных бляшек с изображением Владычицы зверей с пантерами, погребенной рядом с представителем местной высшей элиты – владельцем плети-нагайки, парадного меча чертомлыкского типа, серебряных двуручной чаши и кубка [2, с. 99-100].

Все эти примеры совершенно не применимы к образу наложниц, которые по А.М. Хазанову, избирались из царских служанок. Жреческие функции могли исполнять только свободные женщины – жены и дочери представителей высшей аристократии. Нечто подобное отмечено в скифских “царских” курганах – Чертомлыке, Толстой и Гаймановой Могилах.

О социальном статусе женщин из парных и коллективных погребений можно судить по принадлежности к тому или иному сословию их мужей. Если сопоставить данные о женских погребениях с нашей предыдущей палеосоциологической реконструкцией [9], то они были женами представителей всадничества и высшей аристократии. Подтверждением этому выводу может служить курган № 3 Старого Мерчика-IV, в котором основным было погребение мужчины-воина высокого социального ранга с плетью-нагайкой и впускное- знатной женщины, чья одежда была украшена золотыми нашивными бляшками [18, с. 296].

В коллективных погребениях встречены захоронения женщин иного, самого низкого социального положения. Одно из них было безынвентарным (к. 2 Старого Мерчика), а второе сопровождалось лепными сосудами и шилом (к. 10 Песочина), скелеты в них лежали параллельно знатым женщинам с одинаковой ориентировкой. В курганах № 8, 18, 23, 25 Песочинского могильника и курганах № 10, 12 у Старого Мерчика находились захоронения

женщин с иной ориентировкой в ногах знатных особ. Они были либо безынвентарны, либо покоились рядом с хозяйственным набором инвентаря.

Вопрос о социальном статусе подобных женских захоронений обычно решается с позиции отнесения их в состав служанок, набираемых из числа свободных общинников, или рабынь. К первым из них можно отнести женщин погребенных в курганах № 2 Старого Мерчика и № 10 Песочина, а остальные – к домашним рабыням иноэтнического (?) происхождения.

Таким образом, результаты нашего исследования указывают на то, что в северскодонецких подкурганых женских погребениях скифского времени покоился прах жен и дочерей представителей высшей аристократии, воинов-всадников, рядовых общинников, служанок и домашних рабынь (?). Обработанные нами материалы не дают каких-либо оснований для утверждения о приниженном положении женщин в местном социуме скифского времени.

Примечания

1. *Бабенко Л.И.* Песочинский курганный могильник скифского времени / Л.И. Бабенко. – Харьков, 2005. – 284 с.
2. *Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В.* Курганы скифского времени (северскодонецкий вариант) / А.В. Бандуровский, Ю.В. Буйнов.- К., 2000.- 236 с.
3. *Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В., Дегтярь А.К.* Новые исследования курганов скифского времени в окрестностях г. Люботина / А.В. Бандуровский, Ю.В. Буйнов, А.К. Дегтярь// Люботинское городище. – Харьков, 1998. – С. 143-182.
4. *Березуцкий В.Д.* Курганы скифского времени лесостепного Дона (к реконструкции социальных отношений)// В.Д. Березуцкий. – Воронеж, 1995. – 73 с.
5. *Бидзиля В.И., Полин С.В.* Скифский царский курган Гайманова Могила/ В.И. Бидзиля, С.В. Полин. – К., 2012. – 752 с.
6. *Бойко Ю.Н.* Социальный состав населения бассейна р. Ворскла в скифское время (VII-IV вв. до н.э.)/ Ю.Н. Бойко. – Автореф. дис. канд. ист. наук. – М., 1986. – 19 с.
7. *Бойко Ю.Н., Берестнев С.И.* Погребения VII-IV вв. до н.э. курганного могильника у с. Купьеваха (Ворсклинский регион скифского времени)/ Ю.Н. Бойко, С.И. Берестнев. – Харьков, 2001.- 142 с.
8. *Бондаренко В.Л., Буйнов Ю.В.* Антропологические материалы из курганов скифского периода у с. Черемушное на Харьковщине/ В.Л. Бондаренко, Ю.В. Буйнов// Вісник ХНУ. – 2007.- Вип. 39.- С. 274-285.
9. *Буйнов Ю.В., Окатенко В.Н.* К вопросу о социальной структуре населения северскодонецкой Лесостепи V-IV вв. до н.э./ Ю.В. Буйнов, В.Н. Окатенко// Древности 2013. – Харьков, 2014. – С. 123-136.

10. Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии. На материалах скифских могильников IV-III вв. до н.э. / Е.П. Бунятян. – К., 1985. – 130 с.
11. Грантовский Э.А. Индо-иранские касты у скифов/ Э. А. Грантовский// XXV Международная конференция востоковедов. Доклады делегации СССР. – М., 1960. – 22 с.
12. Гречко Д.С. Населення скіфського часу на Сіверському Дінці/ Д.С. Гречко. – К., 2010.- 286 с.
13. Гречко Д.С., Шелехань А.В. Гришковский могильник скифов на Харьковщине/ Д.С. Гречко, А.В. Шелехань. – К., 2012. – 198 с.
14. Гуляев В.И. "Амазонки" на Среднем Дону/ В.И. Гуляев// Археологические памятники Восточной Европы. – Воронеж, 2002. – С. 125-134.
15. Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII-IV вв. до н.э./ В.А. Ильинская, А.И. Тереножкин. – К., 1983.- 379 с.
16. Количественные методы в исторических исследованиях. – М., 1984. – 384 с.
17. Мозолевський Б.М. Товста Могила / Б.М. Мозолевський. – К., 1979. – 248 с.
18. Мозолевський Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. (Бабина, Водяна, Соболева Могилы)/ Б.Н. Мозолевский, С.В. Полин.- К., 2005.- 599 с.
19. Окатенко В.Н. Погребения кочевнического типа скифского времени вдоль лесостепного отрезка Муравского Шляха/ В.Н. Окатенко// Вісник ХНУ. – 2006.– Вип. 38. – С. 282-289.
20. Окатенко В.Н., Буйнов Ю.В. Курган з похованням скіфського типу біля Старого Мерчика/ В.М. Окатенко, Ю.В. Буйнов// Археологія. – 2010. - № 1. – С. 78-90.
21. Петренко В.Г. Правобережжя Среднего Приднепровья в V-III вв. до н.э./ В.Г. Петренко// САИ. – 1967. – Вып. Д1-4.- 187 с.
22. Фиалко Е.Е. Погребения женщин с оружием у скифов/ Е.Е. Фиалко// Курганы Степной Скифии. – К., 1991.- С. 4-18.
23. Фиалко Е.Е. Два погребения амазонок из Северскодонецкой Лесостепи/ Е.Е. Фиалко// Древности Восточной Европы. – Харьков, 2011. – С. 304-315.
24. Хазанов А.М. Социальная история скифов / А.М. Хазанов. – М., 1975. – 343 с.
25. Шрамко Б.А. Рецензия: Мозолевський Б.М. Товста Могила. – К., 1979/ Б.А. Шрамко// СА.- 1984. - № 1. – С. 277-280.

Буйнов Ю.В., Гречко Д.С. Поховання жінок у курганах скіфського часу сіверськодонецького Лісостепу: палеосоціологічний аналіз.

На підставі дослідження 36 поховань жінок скіфського часу в курганах лісостепової частини басейну Сіверського Дінця автори статті роблять спробу визначити їх прижиттєвий статус. За допомогою кластерного аналізу встановлено, що всі місцеві жінки доби раннього залізного віку були вихідцями з соціальних верств вищої аристократії, воїнів вершників та вільних рядових общинників. Виділяються соціально залежні служниці та домашні рабині. Фактів приниженого положення вільних жінок у суспільстві не зафіксовано. Наведена соціальна структура відповідає рівню розкладу родоплемінного суспільства та формування ранньокласового.

Ключові слова: скіфи, сіверськодонецький Лісостеп, соціальний статус, жіночі поховання, кластерний аналіз.

Bujnov Ju.V., Grechko D.S. Female funerals in Scythian time barrows of the North Donetsk forest-steppe area: paleo-sociological analysis.

Authors of the article attempt to determine the lifetime status of persons from the female funerals of the Scythian time barrows of the forest-steppe area of the Northern Donets river. This attempt is based on the materials of excavations of 36 female funerals. Using the cluster analysis it was determined that all early Iron age local women belonged to the highest aristocracy social strata, warrior-horsewomen and free ordinary community people. There are socially dependent servants and home slaves were marked out. There are no facts of the humble status of free women were fixed. This mentioned social structure corresponds to the stage of the decay of primitive communal society and forming of early classes.

Key words: Scythians, North Donetsk forest-steppe area, social status, female funerals, cluster analysis.